

К 100-летию СССР: марксизм и национальный вопрос. Дискуссия «НЗ»

Игорь Кобылин: Уважаемые коллеги, прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы откликнулись на инициативу нашего журнала и согласились принять участие в дискуссии по вопросу, актуальность которого очевидна, как никогда, и не нуждается в дополнительных объяснениях. Действительно, сегодня все мы являемся свидетелями трагического финала постсоветского мира – в обоих смыслах слова «мир». Это определение – «постсоветский» – симптоматично: приставка пост- вроде бы указывает на некоторое движение от советского или даже его преодоление, но само это движение, как выясняется, лишено собственного содержания: это работа отрицания, которое бесконечно буксует в отрицаемом материале, увязая в нем все глубже и глубже. Несмотря на то, что Советский Союз распался больше тридцати лет назад, груз нерешенных тогда проблем – и едва ли не в первую очередь национальных – нигде не исчез, и мы видим, как эти проблемы «решаются» сегодня. В связи с этим – в год одновременно столетнего юбилея СССР и мощнейшего кризиса постсоветского порядка – хотелось бы обсудить даже не столько начало всей этой истории, сколько предысторию, не чураясь и того сослагательного наклонения,

Игорь Кобылин (р. 1973) – философ, редактор журнала «Неприкосновенный запас».

РЕВОЛЮЦИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ

которого так не любят историки, но которого им на самом деле редко удается избежать.

Впрочем, предыстория здесь не слишком отдаленная – мы решили предложить к обсуждению три дореволюционные статьи Ленина, посвященные национальному вопросу: «Критические заметки по национальному вопросу» (октябрь–декабрь 1913 года), «О праве наций на самоопределение» (февраль–май 1914-го) и «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914-го). А потом взглянуть на реальную советскую национальную политику в свете того, как это задумывалось изначально.

Свой первый вопрос я начну с цитаты из «Критических заметок...». Ленин там пишет:

«Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было *привилегий* в этом отношении (а также право наций на самоопределение, о чем ниже особо), а во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным».

Кажется, «во-первых» здесь во многом зависит от «во-вторых» – борьба марксистов с национальным угнетением – это не борьба за политическую и культурную автономию той или нации с ее специфической «национальной жизнью», а борьба против одной из форм угнетения. Акценты здесь расставлены недвусмысленно. Право на самоопределение – первый шаг на диалектическом пути к интернациональному единству всех демократических сил. Свобода для наций необходима именно потому, что они, будучи историчными, в преддверии наступающего социализма уже не важны как таковые. Но отсюда неизбежная проблема: поскольку Россия была «слабым звеном» капиталистического мира и революция (и постреволюционное строительство) акселерационистски решала не только социалистические, но и буржуазно-демократические задачи, «обе тенденции мирового закона капитализма» как бы накладывались друг на друга. Какую роль эта «одновременность неодновременного» сыграла в строительстве нового советского го-

сударства и в его дальнейшей национальной политики? Были ли возможны – хотя бы теоретически – другие ее варианты и как сегодня современная марксистская (и не только) политическая теория оценивает ее результаты? Кирилл, как бы вы ответили на этот вопрос?

К 100-ЛЕТИЮ СССР: МАРК-СИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДИСКУССИЯ «НЗ»

Кирилл Кобрин: Что меня удивляет: Ленин в данном случае не задает свою повестку – политическую, партийную большевистскую или какую угодно еще, – нет, он в этих текстах реагирует, причем реагирует на разных уровнях. Вы совершенно правы, это полемические тексты. И одной из главных ошибок – намеренных ошибок – в интерпретации ленинской мысли было то, что в советское время его полемические тексты вырывались из контекста и подавались как отлитые в бронзе заповеди. А это же просто реплики в полемике! А любую реплику можно легитимизировать как угодно: выбить случайную фразу золотом на стене и ей поклоняться. Что, кстати говоря, довольно удачно высмеял Юз Алешковский в полузабытой повести «Синенький скромный платочек», где дело происходит в психушке. Один несчастный персонаж, сошедший с ума, возомнил себя Лениным и разговаривает случайными фразами из «Материализма и эмпириокритицизма», прочих ленинских работ и писем. Получилось комично – Ленин, который в постскриптуме безумного послания «генсеку Прежневу Юрию Андроповичу» торжественно пишет: «электрон практически неисчерпаем». Идеологический обиход позднего (и не только) СССР подмечен довольно тонко. Да, мы все прекрасно понимаем эту практику использования текстов Ленина, но, думаю, стоит еще раз напомнить себе: их следует читать и анализировать именно как полемические. Автор реагирует на то, что написала Роза Люксембург, что написали бундовцы, что говорят украинские социал-демократы и так далее; идет полемика, на первый взгляд довольно узкая, порой бранчливая – и Ленин что-то говорит по каждому поводу.

Это первый уровень реагирования. Но второй мне кажется более важным. Логика цитируемого вами, Игорь, пассажи заключается в том, что раз капитализм дуалистичен в национальном вопросе, то и мы – социал-демократы – должны быть дуалистичны. Раз капитализм способствует национальному пробуждению, то и мы должны соответствовать этой тенденции, способствовать ей и поддерживать право наций на самоопределение. Если капитализм является, говоря современным языком, глобализирующей силой, то, соответственно, и мы должны быть глобализирующей силой. Здесь возникает вот такая – можно назвать это диалектикой или как угодно еще – двойственная задача. Ленин намекает на то, что эта задача решается чисто хронологически,

Кирилл Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас».

исторически, то есть сначала первый этап, потом второй этап. Сначала мы поддерживаем одно, потом мы поддерживаем совсем другое и проводим иную политику. Это было бы замечательно, не иди речь о России, Российской империи. Потому что тезис о том, как капитализм поставил современный мир на, так сказать, грань всеобщности и всеохватности, и что мы должны поддерживать данную тенденцию – это, в общем-то, очень мало относилось к Российской империи. Это такое теоретизирование по поводу того, что могло бы произойти, если бы Ленин сейчас обращался к членам социал-демократической партии Германии, а не... Любопытно: он как бы и обращается к Розе Люксембург, но намеренное отсутствие различия между теоретическими и реальными адресатами его послания (ведь его читают прежде всего российские социал-демократы, а не немецкие) – это первое, что ставит под некоторое сомнение его интенции. Второе: совершенно очевидно, что адресатами ленинских положений являются довольно разные группы людей. Если мы говорим о поддержке национально-освободительных движений, о праве на самоопределение, то речь идет о народе, нации. А если мы говорим о поддержке универсалистских, глобализирующих тенденций мирового капитализма, которые в итоге приведут к всеобщему триумфу социализма, – то речь идет уже о пролетариате, о классе. Понятно, что пролетариат является частью народа и «без него народ не полный», но все-таки это разные адресаты – нация и класс. И возникает вопрос: к кому обращается Ленин – к одному или к другому? Или сразу к обоим?

Еще одно обстоятельство: в этой работе есть фрагмент, который порой ставился «в вину» Ленину, поскольку противоречит известной концепции, мол Лениным был создан такой прекрасный советский федеративный союз, а Сталин все испортил. Вот что пишет Ленин:

«Марксисты, разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации по той простой причине, что капитализм требует для своего развития, возможно, более крупных, возможно, более централизованных государств. При прочих равных условиях сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых могла бы широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией».

Как видите, это подрывает доверие к тому, что говорилось по поводу прекрасной ленинской федерации под названием СССР. Я далек от мысли, что Советский Союз разрушился потому, что в какой-то полемической работе Ленин написал такое – нет, конечно. Но тем не менее в головах большевиков, а

потом руководства ВКП(б) и КПСС такого рода представления существовали, Ленин же их когда-то оформил, высказал, объяснил – пусть потом и поменял свою позицию. Дуализм, о котором я говорил, все равно подтачивал изнутри, разъедал идею советской федерации.

И последнее. Конечно, нельзя смотреть на все это вне исторического контекста – ведь данные работы написаны в 1913–1914 годах: до революции, до Первой мировой войны (две статьи из трех), до «Государства и революции», то есть до ленинской работы, которая довольно сильно поменяла представление большевиков о новом типе государства. Предвоенная Российская империя – страна, которая еще не остыла от революции 1905–1907 годов, где именно национально-освободительное движение (связанное с социалистическим) играло невероятно активную роль, достаточно посмотреть на то, что происходило в прибалтийских губерниях, в Закавказье и так далее. То есть уже в годы первой русской революции стало ясно, что национальный вопрос и вопрос социализма в Российской империи – это две стороны одного вопроса, и, может быть, задачей Ленина было либо развести их подальше друг от друга, либо, наоборот, соединить их самым удобным и выгодным для большевиков образом. Это уже практическое политическое воплощение обсуждаемого нами дуализма.

И.К.: Спасибо. Я хотел бы обратить внимание на полемический тезис, высказанный Кириллом и заключающийся в том, что теоретизирование Ленина не очень походит к России, не учитывает ее специфику. Но именно в непонимании конкретно-исторических российских реалий сам Ленин и обвиняет Розу Люксембург в статье «О праве наций на самоопределение». То есть он вполне отдавал себе отчет, что ситуация в Российской империи требует анализа конкретных условий – абстрактно-теоретических, общих положений здесь явно недостаточно. И еще один момент представляется мне важным: Ленин в своих рассуждениях пассивно реагирует на инициативу капитализма...

К.К.: Активно, но реагирует!

И.К.: Да-да, это интересный момент, может быть, мы потом к этому вернемся. Капитализм уже создал интернационал капитала, а мы теперь, говорит Ленин, должны ответить, отреагировать, создав интернационал рабочего класса.

Спасибо, мне кажется, что теперь нужно дать слово человеку, который в качестве антрополога занимался полевым исследованием национальных отношений в Советском Союзе. Сергей, что вы думаете по поводу прочитанных текстов?

Сергей Абашин (р. 1965) – антрополог, историк, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сергей Абашин: Спасибо. Я точно не историк марксизма, но, как и Кирилл, когда-то в университете все это учил и теперь заново перечитал ленинские тексты, имея в виду те дискуссии о национализме, которые идут сегодня. Кирилл уже сказал, что на эти работы нельзя смотреть только как на теоретические тексты, это скорее полемическая публицистика. Я хочу тоже обратить внимание на контексты, в которых статьи Ленина появились.

Первый текст 1913 года, он посвящен внутривнутрипартийной дискуссии: Ленин спорит с теми социалистами, кто предлагает разделить партию на национальные фракции. В другом тексте, первой половины 1914-го, дискуссия совершенно иная: Ленин спорит с Розой Люксембург, которая утверждает, что в партийной программе социалистов наций вообще быть не должно, как не должно быть и тезиса о праве наций на самоопределение. Я не знаю, где тут левый уклон, а где правый, но Ленин пытается занять, похоже, серединную позицию. В одном случае он говорит: «Мы, социалисты, признаем национальный фактор, но вообще мы должны стремиться к тому, что пролетариат должен быть интернациональным». В другом же случае акцент меняется: «Да, наш идеал – интернационализм, но Россия находится на отсталом этапе своего развития, поэтому мы, социалисты, должны учитывать, что существует национальное угнетение, и мы должны лозунг права нации на самоопределение сохранять в российском контексте». Третий текст – это декабрь 1914-го, это уже Первая мировая война, и мы видим совершенно другой акцент. Ленин пишет о том, что есть угнетенные нации и есть нации-угнетатели. Он подчеркивает, что пролетариат должен поддерживать национальную борьбу угнетенных против угнетателей. По сути дела Ленин вводит здесь тему империализма, которую потом разовьет в своей работе 1916 года «Империализм как высшая стадия капитализма», где объясняется, что, кроме классового разделения, существует еще разделение на империи и малые нации. Из этого взгляда потом вырастет антиколониальная риторика раннесоветского времени.

Таким образом, у работ Ленина разные контексты, разные адресаты, к которым он обращается, и разные акценты, которые без учета контекстов выглядят как противоречивые. И здесь я хочу сказать, что такая реакция Ленина на разные контексты и перестановка акцентов показывает нам скорее не особенности самой теории, а особенности Ленина как политика, который очень чутко реагирует на текущую политическую повестку и выстраивает под нее мощный теоретический аппарат объяснения. При этом Ленин может сделать резкий поворот в этой политике, отталкиваясь от нового контекста. И, собственно говоря, в советское время мы как раз и видим, как политика боль-

шевики, уже пришедших к власти, исходит не из какой-то теории, а скорее теория используется для обоснования каких-то конкретных практических решений. И мы видим, что решения о том, кто получает автономию внутри Российской республики, кто становится союзной республикой внутри СССР, а кто полностью выводится из бывшего имперского пространства, возникают не из марксистской теории как таковой, а из сложного баланса практических возможностей и интересов. Нужно было победить врага, нужно было удержать власть, поэтому большевики создавали союзы с очень разными силами, а отсылка, допустим, к тому же праву наций на самоопределение, национальному освобождению, понятиям империализма и колониального гнета легитимировала такие союзы.

Такой практический подход к национальному вопросу можно видеть и после смерти Ленина. То одним автономиям дается высокий статус союзных республик, то, наоборот, какие-то республики ликвидируются, национальные проекты сворачиваются. Увидеть в этом какую-то одну стратегию трудно, скорее следует внимательно изучать контексты, соотношение разных сил внутри страны и в мире.

Таким образом, мой главный тезис заключается в том, что нужно видеть не только какую-то идеологию, в соответствии с которой что-то совершается или не совершается в XX веке, но и видеть прагматику, практические цели, действия, решения, которые встраивались в эту идеологию.

И, кстати говоря, не стал бы забывать тексты Сталина по национальному вопросу, начиная с работы 1913 года «Национальный вопрос и социал-демократия», которая нам известна как «Марксизм и национальный вопрос», и заканчивая «Марксизмом и вопросами языкознания» 1950-го. Я думаю, что, говоря о советской национальной политике, важно смотреть не только на работы Ленина, но и на работы Сталина по национальному вопросу, их акценты и эволюцию. Допустим, в «Вопросах языкознания» было предложено смотреть на нации как на некие вечные субстанции, которые не зависят от экономической формации, и это был серьезный поворот в советской идеологии, с последствиями которого мы сталкиваемся до сих пор.

И.К.: Спасибо. К Сталину мы еще вернемся чуть позже. А сейчас у меня вопрос к Анне. Есть ли у Ленина – и шире, в марксизме вообще – теория национального вопроса? Ведь если нация – это исторически преходящая общность, то тактико-прагматические задачи важнее теоретико-стратегических. То есть все предлагаемые решения национального вопроса так или иначе исходят из перспективы будущего демократического интернационала. Ленин недвусмысленно пишет, что лозунг

Анна Егорова (р. 1990) – аспирантка Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра современных политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

«национальной культуры» ведет к буржуазному национализму и вообще отдает «черносотенщиной» и клерикализмом. Есть ли там на самом деле интерес собственно к национальности или какая-то теория всей этой национальной жизни? Ну, кроме известного тезиса о двух элементах – демократическом и буржуазном, – внутри каждой национальной культуры.

Анна Егорова: Да, действительно, вопрос, существует ли в марксизме теория национализма и национального развития, абсолютно уместен.

Конечно, Ленин был не единственным автором, который писал о национализме, нациях и вообще национальном вопросе. Поэтому если мы говорим о теории наций в марксизме, то нужно рассматривать более широкие дебаты, а не только статьи Ленина. Кроме того, очевидно, что тексты Ленина острополюемичные и должны рассматриваться исключительно в историческом и даже внутрипартийном контексте. Многие вещи в его работах останутся непонятными, если мы ничего не знаем про этот контекст: в том числе, кто оппоненты Ленина в этих статьях. Например, с кем он полемизирует, когда в «Критических заметках по национальному вопросу» выступает против проекта экстерриториальной автономии Отто Бауэра? Критика Ленина в первую очередь направлена против введения федерального принципа внутри партии, подразумевающего, что у каждой национальной группы будет своя партийная ячейка, чего хотел, в частности, Бунд. Ленин был против такого национального деления внутри партийной организации. Здесь все время как будто происходит подмена: критикуя теоретическую линию, Ленин критикует и конкретную политическую стратегию. Он не отвергает какую-то теорию, но выступает против конкретной группы внутри социал-демократии.

То же самое касается и статьи 1914 года «О праве нации на самоопределение». Является ли Роза Люксембург реальным оппонентом Ленина? Это вопрос, потому что скорее всего Ленин полемизирует с Георгием Пятаковым, Евгенией Бош и Николаем Бухариным, которые придерживались «экономического детерминизма», отвергая проблему национального самоопределения как мелкобуржуазную выдумку и противопоставляя ей солидарность рабочего класса. Поскольку Ленин не хочет открыто критиковать своих близких товарищей, он приписывает их позицию социал-демократам из других стран.

Говоря про теорию национального вопроса в марксизме, мы можем и у Ленина, и у Маркса искать только какие-то ее зачатки, но полноценную теорию мы вряд ли обнаружим. И это важно понимать, особенно, когда делаются утверждения о том, что, руководствуясь заветами марксизма, так-то и так-то релшалась

какая-то проблема – потому что заветов марксизма не существовало. Их нужно было изобретать, а потом еще они ретроспективно переписывались. Некритическое обращение с ленинским наследием и сегодня создает политические проблемы.

Если мы говорим о том, как тексты Ленина воспринимались в Советском Союзе, как они бездумно повторялись, то, к сожалению, эта проблема существует и по сей день. Даже в контексте текущей ситуации многие левые марксисты в Европе или в Америке считают, что руководствуясь ленинской теорией империализма, а также идеей пролетарского интернационализма, нужно выступать против любого национализма, который будет обязательно «мелкобуржуазным». Конечно, такое прочтение никак не следует из «Капитала» или марксистской экономической теории, да и из статей Ленина. Теория национального вопроса и вообще национализма в марксизме остается предметом острой полемики вплоть до настоящего дня.

Возьмем, например, Маркса. Его понимание национального вопроса меняется под влиянием его собственной политической и теоретической практики. Особенно ярко эта перемена обнаруживается в подходе Маркса к проблеме независимости Ирландии. До 1867 года он считает, что условием национального освобождения ирландцев является победа пролетарской революции в Англии. А после 1867-го под влиянием «дела фениев»¹ Маркс обнаруживает, что без независимости Ирландии революция в Англии невозможна. И это, собственно, то, к чему Ленин апеллирует в статье 1914 года. Поставленный Марксом вопрос об освобождении Ирландии – это вопрос, не просто этический (о том, что английские рабочие должны уважительно относиться к ирландским рабочим). Маркс видит в шовинизме именно структурную проблему. Шовинизм английских рабочих – это «источник бессилия рабочего класса, несмотря на его организованность». И эту же структурную проблему видит Ленин, когда цитирует письмо Маркса в своей статье о самоопределении. Для обоих шовинизм, который препятствует солидарности рабочего класса или угнетенных, – это не просто неправильные идеи или настроения. У шовинизма есть материальные основания, он производится и воспроизводится как устойчивое социальное отношение. Например, в тексте 1916 года «О карикатуре на марксизм или об “империалистическом экономизме”» Ленин пишет, что русскоязычные рабочие в Российской империи привлекают некоторые выгоды от эксплуатации, что зарплата русскоязычных рабочих выше, чем у тех, для кого русский язык не

1 Фениев – члены тайных организаций «Ирландского республиканского братства», придерживавшиеся республиканских взглядов и действовавших (в том числе силовыми методами) во второй половине XIX – начале XX века. Дело 1867 года – череда силовых попыток фениев по освобождению своих единомышленников из заключения и следующие за этим ответные действия английских властей. – *Примеч. ред.*

является родным. Ленин обращает внимание на структурные моменты, и это для марксистской теории национализма очень важно, потому что такое понимание требует специфических ответов. Структурные проблемы решаются не просто через воспитание, они требуют политических решений – в частности, безусловного права на самоопределение. И это то, что из работ Ленина, как мне кажется, можно вывести.

И еще я хотела сказать про «одновременность неодновременного» и линейно-стадиальный подход, который можно у Ленина обнаружить. Вообще идея, что Ленин был адептом мультиформальности, была выдвинута Луи Альтюссером. Но Альтюссер выводит эту концепцию не из текстов Ленина, а из его политической практики. И я думаю, что скорее этой линией и стоит руководствоваться, потому что полемика Ленина и то, как он формулирует аргументы, – все пропитано прогрессистским дискурсом, который оспаривался самой практикой большевиков.

Ленин понимает, что условия, в которых он действует, – это одновременность, вернее «одновременность неодновременного». Он исходит из этого условия, а не стремится к тому, чтобы синхронизации капитализма или модернизации противопоставить демократическую плюральность различных укладов – от первобытного и феодального до социалистического. Ленин не говорит, что есть синхронизирующая темпоральность капитализма, которая подчиняет различные уклады единому ритму. Наоборот, Ленин видит в неодновременности процессов свершившийся факт: так случилось, у нас есть много разных противоречий, и вот мы их все можем сейчас задействовать, что позволит совершить революцию, – так вопрос стоит перед Лениным. То есть здесь нет какой-то такой этической окраски, что нужно обязательно сохранять какие-то уклады каких-то народов. Однако это не значит, что Ленин против этого выступает. Безусловно, когда он разделяет народы на угнетающие и угнетенные нации, он поддерживает борьбу угнетенных. Угнетенным нужно дать то, чего они требуют, то, чего у них не было. Если у них не было своего языка или возможности развивать свою культуру, нужно им дать такую возможность. В первые годы советской власти реализуется политика удовлетворения национальных требований – и в уступках национальным лидерам, и в образовании, и в политических союзах (например история с боротьбистами в Украине). Иными словами, если в текстах Ленина мы читаем о последовательных стадиях исторического развития, то в его политической практике мы видим установку на удовлетворение требований угнетенных – вне зависимости от исторической стадии.

Стоит упомянуть и заметку Ленина «К вопросу о национальностях, или Об “автономизации”», надиктованную им в декабре

1922 года, когда уже он был прикован к постели. В ней Ленин говорит, что объединение в общий государственный проект без удовлетворения требований об автономии, без федерализма является преждевременным. Опять же, оговорюсь, что до 1922 года серьезного различия между федерализмом и автономией социал-демократы не проводили. Поэтому вопрос о политическом проекте Ленина, о том, какое государственное или постгосударственное устройство он предлагает, остается открытым. Например, последняя заметка показывает, что Ленин не был противником политической децентрализации.

К 100-ЛЕТИЮ СССР: МАРК-СИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДИСКУССИЯ «НЗ»

**Если в текстах Ленина мы читаем }
о последовательных стадиях исторического развития,
то в его политической практике мы видим установку }
на удовлетворение требований угнетенных –
вне зависимости от исторической стадии. }**

И.К.: Спасибо, Анна. Илья, теперь вопрос к вам. При всей справедливости замечаний о по-разному расставленных акцентах все-таки Ленин здесь очень бескомпромиссно и жестко говорит о праве наций на самоопределение. Хотя противоположные аргументы тоже по-своему разумны: лучше сохранить единое пространство, чтобы вовлечь все эти, условно скажем, «отсталые» национальности в общий капиталистический рынок, а уже затем поднимать их до каких-то социалистических форм. С вашей точки зрения, какое место занимает проблема нации и национализма в марксистской теории и каковы здесь ленинские новации по отношению к предшествующим взглядам?

Илья Будрайтскис: Я вернусь к первому вопросу и проблеме двух тенденций, которые обозначает Ленин как магистральные для развития капитализма. Первая – это создание общего рынка и сопровождающая его безжалостная унификация – то есть ровно то, что описывается в знаменитой цитате из «Манифеста Коммунистической партии»: «all that is solid melts into air». То есть все разделительные линии – национальные, религиозные, культурные, – они как бы сметаются силой капитала и неизбежно способствуют созданию интернационального пролетариата, который является главной исторической силой, способной низвергнуть сам капитализм и открыть дорогу новому обществу.

Однако вторая тенденция капитализма, которая, по Ленину, так же исторически неизбежна и прогрессивна, – это создание национальных государств и распад полуфеодальных империй. На самом деле проблема не в том, чтобы предпочесть одну ли-

*Илья Будрайтскис
(р. 1981) – политический теоретик, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук.*

нию другой, а в том, чтобы удержать две этих исторических необходимости. Национальное государство, с точки зрения Ленина, есть продукт буржуазной революции – собственно, Великая французская революция создает первую модель национального государства, в котором оказывается возможным раскрыть главный классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Только в таком осуществившемся буржуазном государстве возможен окончательный раскол двух культур – угнетенных и угнетателей. Национальное демократическое государство обнажает конфликт декларируемого формального политического равенства и фактического социального неравенства, из осознания которого вырастает уже политическая сила пролетариата.

Особенность таких стран, как Россия или Австро-Венгерская империя, по Ленину, состоит в том, что в них такой буржуазно-демократической революции и, соответственно, создания национальных государств не произошло. Это задача, которая не была решена, и поэтому в будущем ее решение совмещается с задачами, уже собственно социалистическими. Здесь Ленин, в общем, продолжает ту логику диалектического сочетания буржуазно-демократических и социалистических задач, которую он отстаивал в период первой русской революции. Но тут встает главная проблема: с одной стороны, империи создают единое пространство, в котором разные национальности проходят совместно процесс пролетаризации и, соответственно, могут стать частью сознательного организованного рабочего класса. Но, с другой стороны, как отмечает Ленин, на самом деле эти наднациональные государства превращаются в препятствие для создания ситуации прямого классового антагонизма буржуазии и пролетариата, который становится возможным уже в развитых национальных государствах, где буржуазно-демократическая революция уже произошла. Ленин говорит о том, что централизация в Российской империи является реакционной и бюрократической, которая на самом деле препятствует свободному развитию отдельных народов и, в конечном счете, их подлинной классовой солидарности друг с другом.

Это очень интересный тезис. То есть попытка удержать национальности в рамках одного государства на самом деле их не объединяет, а разъединяет, поскольку имперское пространство отсталой наднациональной империи связано с бесконечным производством привилегий одних наций по отношению к другим. И, соответственно, господствующая нация, как Анна уже отметила, оказывается политически бессильной, так как разделяет часть привилегий со своими угнетателями и оказывается неспособной к классовому единству с пролетариями, которые принадлежат другой нации. Поэтому Ленин абсолют-

но ясно, как мне кажется, подходит к мысли, что эти имперские пространства должны просто прекратить свое существование, что движение к самоопределению прямо приведет к отделению, о чем он говорит уже в тексте 1914 года, и это неизбежная перспектива, которая сможет создать основания для демократического единства и солидарности снизу, а не сверху.

К 100-ЛЕТИЮ СССР: МАРК-СИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ДИСКУССИЯ «НЗ»

Попытка удержать национальности в рамках одного государства на самом деле их не объединяет, а разъединяет, поскольку имперское пространство отсталой наднациональной империи связано с бесконечным производством привилегий одних наций по отношению к другим.

Эта очень важная идея, поскольку она переворачивает прогрессистский взгляд на имперское государство. Известно, что такая гегелевская модель была адаптирована русской историко-правовой школой (Соловьев, Ключевский и другие), из которой, в конечном счете, выросла большая часть советской историографии. Она исходила из того, что процесс централизации государства сам по себе является прогрессивным и государственная форма, сколь угодно деспотическая, является объективно исторически прогрессивной. Но Ленин говорит о том, что эти формы централизации являются препятствием для исторического прогресса. И, в принципе, похожую позицию, но гораздо более фундированную с точки зрения исторического материала, развивал марксистский историк Михаил Покровский: он рассматривал развитие государственных форм Московского княжества и затем Российского государства как своеобразный прогресс регресса, производство все более сложных и тяжелых для преодоления форм, препятствующих подлинному демократическому развитию, которые всегда находит себя через децентрализацию и усложнение общества. Поэтому антигосударственный мотив в ленинских текстах о национальном вопросе кажется очень важным и напрямую подводит нас к той перспективе, которую Ленин дает в «Государстве и революции», написанной позже, уже в 1917-м.

Я согласен со всем, что здесь уже было сказано о том, что Ленин не пытается сформулировать какую-то жесткую догму национального вопроса, которой затем все должны безоговорочно следовать, его нужно понимать исходя из полемического контекста. Тем не менее в основе его подхода лежит метод, который себя проявляет не только в дискуссии о национальном

вопросе, но также в дискуссии об империализме и в вопросе о государстве, который вообще для Ленина является одним из ключевых.

И.К.: Спасибо. Это очень хороший переход к эпохе Сталина, который – напомним – считался в партии как раз специалистом по национальному вопросу, и, соответственно, к сталинской национальной политике. Новая ситуация понятна: мировая революция не случилась, социализм строится в одной стране, и в этой новой стране необходимо построить пространство, где эти «одновременно неодновременные» нации были бы равноправными.

Но эпоха сталинизма – это и разгром школы Покровского, о которой вы, Илья, говорили. Это частичное возвращение ко всей дворянской и буржуазной историографии, с ее культом Московского царства, централизации и прочее. Сталин, с его формулой будущей культуры как «национальной по форме, пролетарской/социалистической по содержанию», пытался снять раскальвающий, по Ленину, каждую отдельную национальную культуру антагонизм, тем самым навечно консервируя национальное – как минимум в его экзотическо-фольклорном варианте: национальные акценты, костюм, песни-пляски, сказки-эпос и так далее.

И вновь: как сегодня можно оценить результаты такой консервации и какие альтернативные варианты здесь были бы возможны? Или чуть более конкретно: Кирилл, как вы думаете, где пролегает граница между ленинской и сталинской национальной политикой и можно ли здесь говорить о радикальном разрыве?

К.К.: Я вижу здесь и разрыв, и преемственность, а эту ситуацию я назвал бы диагностической, поскольку национализм, говоря метафорически, – это в каком-то смысле болезнь социализма почти с самого рождения, – не как теории, а именно его первых практических поползновений. И марксизм, и социализм, и коммунистическая теория, и национализм – это «внуки» Великой французской революции и «дети» европейских революций 1848–1849 годов, потому что именно последние были одновременно и первыми универсальными, и первыми национальными революциями. Где-то они носили преимущественно универсальный характер (Франция), а где-то, например, в Венгрии или на севере Италии, – чисто национальный. Если внимательно почитать переписку Маркса, когда он эмигрировал в Лондон, или лондонские главы «Былого и дум» Герцена, то мы видим, как герои национального и социалистического (коммунистического) движения перемешаны на эмигрантской

сцене. А иногда революционный национализм и социалистические идеи перемешаны в голове одного и того же деятеля. И само противостояние Маркса и Герцена – это все-таки противостояние универсального коммунизма и чисто русского социализма, который изобретает Герцен (а его друг Бакунин изобретает анархизм, который носит тоже национальный русский характер).

То есть этот диагноз присутствует уже по обстоятельствам рождения данного типа революционного сознания, того типа мышления, который появился во время Великой французской революции – ведь именно она представляла собой переплетение просвещенческой и антипросвещенческой линий. Линия Монтескьё/Дидро и линия Руссо переплетены в этих событиях порой до неразличения. Потом появляется Наполеон, который проводит абсолютно просвещенческую, суперрационализированную линию, которая является его главным методом ведения войны, устройства государства, написания законов и так далее. При этом его сверхнационалистическая риторика порождает в Германии, например, взрыв как раз романтического национализма.

Ни Ленин, ни Сталин, естественно, не были ни первыми, ни вторыми в этой дуалистической традиции, которая, дойдя до провинциальной Российской империи, уперлась в практически неразрешимую задачу. Я не специалист по российской истории начала XX века, но даже со стороны видно, что наиболее революционно активными социалистическими группами российской социал-демократии, особенно времен первой русской революции, были национальные фракции. И РСДРП, которая состояла из разных фракций и людей, в общем-то была главной аудиторией высказываний Ленина по национальному вопросу, в рамках которых он стремился не столько теоретически обосновать предлагаемый план действий, сколько найти общее поле для разговора с товарищами по партии, принадлежавшими к различным национальным группам и заинтересованными в проведении национальной линии, чтобы доказать собственную значимость в глазах представляемых ими народов.

Это была практическая задача, и теория – согласен абсолютно с Сергеем – прорастала сквозь практику. Естественно, это была не *ad hoc* практика, она концептуализировалась согласно теоретическим представлениям Ленина и марксизма в его изводе, но эта концептуализация *прорастала сквозь практику*, а не наоборот. Ленина и его соратников часто обвиняли и обвиняют в том, что они накладывали бесплодные теоретические схемы на реальность – и вот поэтому такая трагедия вышла. Это не так. Если бы Ленин не был, извините за банальность, великим политическим практиком, никакой революции

не произошло бы и ничего этого не было бы. Его главной практической задачей перед войной было достижение хотя бы какой-то возможности для разговора и принятия решений внутри партии. И уже потом это партийное идейное поле – в концептуализированном виде – как бы накладывалось на непосредственную реальность Российской империи. Это первое обстоятельство, которое мне кажется важным.

Второе обстоятельство связано с исторической реальностью Российской империи 1860–1910-х, на что при обсуждении ленинских полемических работ по национальному вопросу мало обращают внимания. Российская империя до второй половины правления Александра II, и особенно до правления Александра III, и после – это разные реальности. Страна при Николае I продолжает в каком-то смысле имперский универсализм Рима, то есть она не национальная (хотя зачаточные тенденции были), а скорее наоборот (вспомним преследования бедных славянофилов, – порой более жесткие, чем других более опасных соотечественников). «Русификаторский» поворот, который случился при Александре II и расцвел при Александре III, привел к тому, что имперскость/империя и великорусский шовинизм/национализм стали синонимами. Таковыми они являются и для Ленина, отчего он испытывает настоящую ненависть именно к великорусскому национализму (хотя теоретически плохо он относится и к некоторым другим) и готов принять право любой нации на самоопределение, кроме одной – титульной нации Российской империи. Ленин закрывает глаза на национализмы остальных народов, – они ведь угнетенные! – а вот великорусский национализм вместе со сбившейся со своего имперского пути и становящейся все более этнически ориентированной («национализированной») Российской империей считает источниками зла, с которыми надо покончить. В этот момент борьба с империей как системой угнетения сливается у Ленина с борьбой с великорусским национализмом, что отчасти является результатом его личных предрассудков – как, впрочем, нередко случалось при обсуждении национального вопроса в марксизме, ленинизме, социализме и так далее.

Третье важное для меня обстоятельство состоит в том – и тут я опять абсолютно согласен с Сергеем, Анной и Ильей, – что на все эти работы нужно смотреть в контексте времени их написания. Скажем, конец 1914 года – война уже началась. И началась она – пусть формально, но все же – из-за того, что национализм бывшей угнетенной сербской нации столкнулся с универсалистским империализмом Австро-Венгрии. В результате европейские и азиатские империи приводят в движение огромные силы: они повелевают другими народами, бросая их в жерло войны. Естественно, что писать одина-

ково о национальном вопросе в 1913-м и в конце 1914-го было бы по крайней мере странно.

И, наконец, переходя к Сталину и к наличию или отсутствию разрыва. Возможно, это слишком громкое утверждение, но красные победили в гражданской войне во многом благодаря национальному вопросу. Например, Юденич не взял Петроград, потому что не очень аккуратно общался с эстонцами. Известно, что значили для судьбы Деникина его отношения со всевозможными украинскими силами, с провозглашенным только что независимым украинским государством. В то же время Ленин и часть большевистского руководства с невероятными ловкостью и умением использовали национальный вопрос для подрыва возможностей самых разных антибольшевистских сил. Национальный вопрос из важного, но отчасти теоретически отвлеченного к концу гражданской войны становится насущным – более насущным, чем классовый вопрос, потому что стало ясно: то, что дало возможность победить, может и подорвать дальнейшее существование.

Здесь возникает следующая проблема. То, на что в национальном вопросе делает ставку Ленин и некоторые деятели, которые разделяли его взгляды, совершенно не совпадало, судя по всему, с политическими представлениями большинства его окружения. Дискуссия вокруг федерализма и автономизации показывает, что дело не в том, что нужно было кого-то убеждать, а в том, что эти люди совершенно иначе, нежели Ленин, смотрели на роль национального вопроса в будущем государстве. Одним из этих людей был Сталин, который с дьявольской хитростью изображал одно, но на самом деле думал по-другому; кроме того, его взгляды претерпели трансформацию с 1913–1914-го по 1922 год.

Итак, к концу 1921 года становится понятным, что мировая революция не состоится, хотя отдельные революционные события в Европе (поддержанные Советской Россией, конечно) потом еще происходили. Какие политические выводы могло сделать из этого руководство большевиков? Они провозгласили новый тип внешней политики, который исходил из принципа строительства социализма в отдельной взятой стране, из необходимости выстраивать отношения с несоциалистическим миром, поскольку нужно было максимально расширять территорию, где «мы» находимся у власти. А потом «мы» будем смотреть, как развиваются события за нашими пределами.

Это не пустое рассуждение. Попробуйте, к примеру, ответить на вопрос о том, зачем большевики захватывали Закавказье. Если вы верите в мировую революцию, то к чему вам такая «мелочь»? Но если вы действуете из другой перспективы, то и политически вы мыслите уже иначе. Если мировая рево-

люция ожидается в ближайшее время, то уделять особое внимание национальному вопросу, в общем-то, не стоит. Но если мировая революция скоро не случится, то, действительно, национальный вопрос следует решать на новом уровне и решать иначе, нежели предлагалось до Первой мировой войны и по ее ходу. Подобные вопросы реалистичности политических ожиданий и их временных горизонтов во многом и предопределили постепенную смену представлений Ленина об устройстве советского государства.

В свете сказанного – вот как, например, оценить сегодня политику коренизации, проводимую большевиками в 1920-е и до начала 1930-х? Это же отчасти раннесталинский период, но коренизация не очень согласуется с нашими представлениями о сталинской политике – вроде бы он не должен был ее поддерживать. В общем, много вопросов, но мало ответов...

И.К.: Кирилл взял на себя функции модератора и задал вопрос. Мне остается только к этому вопросу присоединиться. Сергей, как бы вы на него ответили?

С.А.: Мне думается, что здесь нужно различать множество разных факторов и акторов, которые действовали в 1920–1930-е, когда, например, проводилась политика коренизации.

Первый фактор: сохранение самой идеи мировой революции, в рамках которой национальное строительство в СССР – такая национальная эмансипация – предлагалось остальному миру как пример, как образец для развития; не говоря о том, что с помощью такой эмансипации шла подготовка военных, экономических, символических и кадровых ресурсов для новых революций.

Другой фактор – состав местных национальных элит, союзников большевиков. Мы часто смотрим на политику большевиков как на политику центра, который все делает из Москвы – конструирует или деконструирует, – но на окраинах были и свои акторы, которые сформировались как политическая сила до большевиков или отдельно от них, у них был свой голос, свои интересы, свои программы реформ. Центр вынужден был считаться с ними, искать точки соприкосновения, включать их требования в свою политику. А это означает, что вопрос о коренизации не был исключительно инициативой центра; его можно рассматривать как договор, компромисс между центром и национальными элитами.

Третья перспектива, в которой можно рассматривать коренизацию, – это борьба или конкуренция разных политических фракций внутри большевистской партии. Не надо забывать, что национальной политикой руководил Сталин как нарком

по делам национальностей, именно он двигал одних местных чиновников и менял их потом на других. Это позволяло ему создавать на окраинах сети из доверенных лиц, зависимых от него лично, что позволяло усиливать свои бюрократические и политические позиции в Кремле. Из этого следует, что многие решения могли приниматься из аппаратной логики, а не из какой-то идеологической установки.

Я опять возвращаюсь к своей мысли о контекстуальности, прагматичности, многоакторности тех или иных действий. Это относится, на мой взгляд, и к послесталинской эпохе. Сохранение национальных республик не было лишь идеологической прихотью, и речь идет не только о фольклоре. Сохранялись полноценные государственные институты управления – министерства, парламенты, суды, академии наук – со своими бюджетами, планами развития, социальными программами. Если смотреть на эти республики из их собственной перспективы (а не из перспективы Кремля), то мы видим уже сложившиеся сильные политические и культурные элиты, которые научились лоббировать свои интересы, которые уже умели каким-то образом управлять в своих республиках, у которых были ресурсы и инструменты влияния на население своих регионов. Не только окраины зависели от центра, но и центр зависел от окраин. То есть у меня нет какого-то одного объяснения для всех республик и всех этапов истории, и вряд ли оно существует. Ответ на ваш вопрос надо искать, внимательно рассматривая и изучая все контексты и факторы, видя в национальной политике не столько идеологическую проекцию Кремля, сколько постоянно идущие переговоры между Кремлем и местными элитами.

И.К.: Спасибо, Сергей. Анна, тот же вопрос: объясняется ли вся эта довольно специфическая сталинская консервация национального только политической прагматикой? То есть это инерция, национальные «пережитки», грубо говоря, и необходимо под эти «пережитки» как-то подстраиваться или же речь должна идти о каких-то теоретических основаниях сохранения «национальной формы»?

А.Е.: Я бы начала с того, что на рубеже XIX–XX веков у марксистов было несколько конкурирующих теорий нации. Австромарксисты Отто Бауэр и Карл Реннер исходили из того, что нация – это продукт капитализма, но при этом представляет собой некое единство или «сообщество судьбы». Они считали, что нации существуют не с доисторических времен, а возникли при капитализме, но это сложившееся многообразие наций будет сохраняться и при социализме. При этом в одном и том же государстве могут проживать разные нации, у некоторых

из них и вовсе нет своей территории. Поэтому Бауэр и Реннер выдвинули проект экстерриториальной автономии, который позволяет сохранить сложные экономические связи – то есть для различных наций вне зависимости от места их проживания создаются школы, культурные организации, университеты и так далее.

Если австромарксисты связывали нации с общностью культуры, то немецкий социал-демократ Карл Каутский определял нацию через общность языка. Хотя он считал, что нации – это продукт капитализма, в отличие от австромарксистов, Каутский утверждал, что при социализме нации должны исчезнуть, поскольку глобальные экономические связи сделают языковое разделение между народами бессмысленным. Опять же, у Маркса нигде не прописано, что будет происходить с нациями как при капитализме, так и при социализме, поэтому в конце XIX века появились разные теоретические проекты.

Сталин в своей статье о национальном вопросе 1913 года дает определение нации, связывая ее с общностью языка, территории, экономики и психологии. Хотя статья полемизирует с австромарксистами и отрицает экстерриториальную автономию как принцип (опять же, полемика против федерализма в партии!), в начале Сталин говорит о «национальном характере», то есть о культурной и психологической общности, и оказывается ближе к Бауэру, которого должен критиковать. Известно, что Сталин внимательно читал Бауэра и, возможно, им вдохновился. Концепция национального характера получает развитие в национальной политике Сталина после смерти Ленина, а в поздние годы Сталин уже открыто объявляет нацию метафизической, трансисторической сущностью. Это уже очень далеко от любого марксистского представления о нациях.

Сталинская теория нации – органицистская, хотя и не без конструктивистских элементов. Конечно, можно попробовать связать подход Сталина с традицией российского органицизма, со славянофилами, с Хомяковым и Данилевским, у которых тоже были биологические метафоры. Но Сталин при этом – конструктивист. Поэтому, когда мы говорим, что большевики поддерживали нации, мы не должны забывать, что они сами их создавали – особенно это касается народов Кавказа и крайнего Севера. Политика большевиков во многом зависела от теории стадий исторического развития, о чем свидетельствует и сложная терминология наций, народов, национальностей. В зависимости от этапа развития большевики выстраивали свою политику: придумывали письменность для бесписьменных народов, наделяли какие-то народы (на ранних этапах развития) территорией или, наоборот, боролись с «мелкобуржуазным национализмом» (у более развитых наций).

Кроме того, Ленина и Сталина стоит противопоставить не столько как различных теоретиков нации, сколько как политика и бюрократа. Об этом много писали – от Троцкого до Моше Левина и Рональда Суни. Последние статьи Ленина, вошедшие в его так называемое «завещание», и реакция на них Сталина представляются как последняя битва политика и бюрократа. Конечно, не нужно это разделение абсолютизировать: думаю, что детальный и подробный анализ причин принятия того или иного решения в конкретной ситуации – в этом Сергей, безусловно, прав, – это единственный способ понять, что большевики делали на практике. Но вместе с тем, когда мы говорим про политические решения большевиков, мы должны задаваться вопросом: зачем они эту политику проводили, какие цели преследовали? И здесь ответы будут разными, потому что ключевая задача для Ленина состояла в радикальной трансформации мирового устройства и человеческого общества, а для Сталина – в руководстве огромными территориями и выстраивании бесперебойно работающей системы. У Сталина – хорошо нам знакомая бюрократическая логика эпохи модерна. Логика же Ленина всему этому противоречила, его политические решения принимались исходя из другой перспективы, направленной против «функционального модуля государства». Со второй половины 1920-х эта перспектива теряется.

Ключевая задача для Ленина состояла в радикальной трансформации мирового устройства и человеческого общества, а для Сталина – в руководстве огромными территориями и выстраивании бесперебойно работающей системы.

И.К.: Спасибо, Анна. Илья, как бы вы ответили на этот вопрос?

И.Б.: Здесь уже звучало, что ленинская модель Советского Союза была открытой и предполагала возможность создания советских республик, в том числе и в Европе (особенно, если вспомнить о революционных процессах в Германии и Венгрии в 1918–1921 годах). Сталинская модель, напротив, исходила из того, что границы, в которых уже сложились национальные республики, очерчивают некую историческую общность, которая сформировалась до капитализма благодаря российскому государству и у которой, несмотря на все национальные различия, есть некая общая судьба. Параллельно с конструированием национальностей внутри республик начиная с 1930-х – и осо-

бо активно уже в позднесталинское время – шло конструирование вот этой общей советской идентичности как «дружной семьи народов».

Этот момент в сталинской национальной политике особенно ярко проявил себя уже в 1939–1940 годах, когда произошла оккупация Западной Украины и балтийских стран. Они были включены в СССР как некая необходимая часть исторически сложившегося единства. В 1939 году, во время аннексии Западной Украины и Белоруссии были использованы аргументы воссоединения разделенного народа – а не реализации права на самоопределение. В этом отношении сталинская национальная политика при всей своей сложности, при том, что в ней было много агентов, все равно соответствовала в своей основе идее о том, что историческое развитие централизованного русского государства привело к созданию социалистической многонациональной общности, внутри которой существует строгая иерархия (так называемая теория «старшего брата»).

И.К.: Спасибо. Коллеги, есть ли у вас уточнения в связи с высказанными позициями?

А.Е.: У меня комментарий к вопросу, был ли Ленин сторонником централизации. В его тексте 1913 года мы читаем, что постепенно все будет централизовываться. Но все-таки мне кажется, что здесь – и я не знаю, насколько сам Ленин проводил это различие, – речь идет об экономической централизации, о планировании, о социалистической экономике, которая оказывается такой сложной, что возникают и более региональные вещи. Так, Ленин цитирует проекты Люксембург и говорит примерно следующее: Люксембург требует права строить железные дороги и шоссе местного значения для Польши в качестве исключения, но это неверно, потому что такое право будет у всех областей. Для Ленина это абсолютно логично, это полностью соответствует «заветам марксизма», хотя из опыта СССР видно, что такая хозяйственная автономия при наличии Госплана совершенно неочевидна. И вопрос заключается в том, как, в рамках ленинского проекта, понималась экономическая централизация, как должно было осуществляться планирование и, самое главное, кем – должно ли этим заниматься государство? И вот здесь возникает главная развилка, поскольку для Ленина, исходя из того, что он писал, планирование осуществляет не государство, а некое постгосударственное образование, причем демократическим способом. Социалистическая экономика предполагает какой-то совершенно иной политический строй. И этот вопрос Сталина не особо интересовал, он не был для него политической проблемой.

К.К.: Мне очень понравилась идея Ильи, что ленинский Советский Союз был открытым проектом. Мне только кажется, что, по факту, открытым – *насилъственно открытым* – оказался проект сталинский, – взять хотя бы присоединение к Советскому Союзу балтийских государств. А когда Анна заговорила о централизации, я понял, что можно ввести термин (если он еще не вводился – не знаю литературы по этому поводу) «горизонтальная централизация».

Ленин, как мне кажется, стремился именно к горизонтальной централизации. У него был пример Парижской коммуны, Конвента времен Великой французской революции; но вообразите, если этих коммун и конвентов много, они существуют «горизонтально» относительно друг друга и занимаются политикой – по-настоящему классовой и нацеленной на будущее. Они объединены – горизонтально – в общее экономическое и какое-либо еще поле; и тогда загадка этой централизации, мне кажется, становится отчасти понятной. Если предположить, как Ленин перед смертью видел новое советское государство, то, наверное, это была как раз такого рода горизонтальная централизация. Проект открытый, потому что к этой горизонтальной системе можно подключать однородные по своему идеологическому характеру единицы. Скажем, победит революция в Венгрии, и тогда «Венгерская советская республика», став частью «нашего» общего пространства, будет самоуправляться по-венгерски, что снимет противоречие между централизацией (отвечающей на соответствующий вызов капитализма) и правом нации на самоопределение. Я думаю, что в качестве горизонта ожиданий Ленин видел нечто вроде этого. Выше я не зря упомянул политику коренизации: ведь для того, чтоб такую централизацию проводить, кадры должны быть местными. И если местный язык уже основательно развит, то эти кадры должны говорить на нем. Если же местный язык и культура еще недостаточно способны к воспроизводству пропаганды на необходимом уровне, к политическому дискурсу определенного типа, то надо сделать их таковыми.

А потом происходит то, о чем говорили Сергей и Илья: новая система способствует формированию новых элит и определенного типа наций, которые становятся важнейшими игроками внутри СССР. И это уже вопрос не столько политический, сколько административный и ресурсный. Дальше же начинается совершенно другая игра, похожая на то (метафора, возможно, не очень удачная), как итальянские тайные общества, которые называли «каморрой» или «мафией», перерождались в организованную преступность. Когда политическая логика перерастает саму себя из-за того, что получилось в результате реализации этой логики, именно тогда возникает но-

вая реальность, которую надо описывать какими-то другими словами.

С.А.: Я добавлю нотку скептицизма. У меня порой складывается впечатление, что мы вчитываем в тексты Ленина концепцию будущего, хотя эти тексты носят более неопределенный характер и оставляют возможности для разных интерпретаций. Дело усложняется тем, что от текста к тексту возникают новые акценты и ракурсы, то есть сам ленинский взгляд все время сдвигается, за ним нужно следить в динамике. Также я хотел бы заметить, что между риторикой и практикой есть некоторый разрыв: теоретические, риторические конструкции и практические действия не всегда совпадают, практическая логика выстраивается по собственной траектории, на которую влияют разные акторы и конкретные интересы. Иными словами, раннесоветскую национальную политику нужно рассматривать как процесс, который не сводится к рассуждениям о ней Ленина.

Практическая логика выстраивается по собственной траектории, на которую влияют разные акторы и конкретные интересы. Раннесоветскую национальную политику нужно рассматривать как процесс, который не сводится к рассуждениям о ней Ленина.

И.К.: Спасибо. Последний вопрос ко всем участникам. Сегодня, с одной стороны, советский проект по созданию «многонационального советского народа» квалифицируется как имперский, как продолжение Российской империи, которая модифицировалась и продолжила колониально угнетать и эксплуатировать «младших братьев», чему противопоставляется их политический (это в лучшем случае) национализм и создание собственных независимых национальных государств. С другой стороны (и это, кажется, официальная позиция), ленинская национальная политика определяется в категориях «минирования»: Ленин заложил бомбу, которая на наших глазах взорвалась. Как сегодня, учитывая всю сложность, всю неоднозначность и гетерогенность этого проекта, можно было бы оценить его в целом?

К.К.: Я начну с того, что Ленин якобы заложил бомбу под СССР – такова сейчас официальная риторика путинского режима. Как и почти все, что они говорят, – это абсолютная глупость и пере-

дергивание, потому что СССР в 1922 году был просто проектом другого типа. Нельзя заложить бомбу под автомобиль «Пежо», а в результате взрывается БТР, пусть «Пежо» и БТР назвали одинаково. Но в параноидальном сознании нынешней российской власти (и части общества) все сегодняшнее вырастает из древности, продолжает ее, делает из нее *вечное состояние без истории, без времени*. Так что если уж Ленин заложил бомбу, то и Петр I, наверное, тоже какую-то бомбу заложил, не говоря уже о Вещем Олеге.

Если говорить серьезно, то мне кажется, что именно национальный вопрос привел к появлению Советского Союза в том виде, в котором он был создан в 1922 году. Союз был сделан как инструмент решения национального вопроса и отводил ему роль важнейшего элемента конструируемого нового типа общества. В 1922-м «проект СССР» – учитывая некоторую усталость от несбывшихся надежд на мировую революцию – все-таки рассматривался как временный и открытый. Он не только завершал гражданскую войну на территории бывшей Российской империи и осуществлял переход к конструктивному строительству в новой стране, но и готовился к роли важнейшего актора следующего этапа глобального классового конфликта.

Изначальный «проект СССР» полностью поменял свои содержание и цель в течение 1920-х, и произошло это не только из-за злой воли людей, пришедших после Ленина, но и в силу новой исторической реальности, которой нельзя было не учитывать: возникали новые элиты, формировались новые – советские – нации. В этот момент, как мне кажется, государство под названием Советский Союз из инструмента превращается в цель, под которое национальный вопрос действительно «закладывает бомбу», потому что декларируется одно, а на практике получается совершенно другое. Можно по-разному относиться к причинам краха Советского Союза, но лично мне совершенно очевидно, что СССР погиб из-за национального вопроса. Над-национальный союз даже не взорвался, он *подорвался*: ведь формально СССР кончился Беловежскими соглашениями, которые подписали лидеры национальных республик – представители тех самых новых, официальных, коммунистических элит, то есть кто угодно, но только не диссиденты. Беловежские соглашения – это логическое завершение государства СССР.

Более того: национальный вопрос, в конце концов, подорвал и постсоветское пространство. Мы можем видеть, как оно окончательно разрушается, как все свелось к очень банальному, не то чтобы устаревшему, а очень старомодному национализму, который не проявлял себя столь явно в предыдущие десятилетия, а сейчас в измененном виде вырвался наружу и привел к тому, что происходит. Если вспомнить начало войны в Укра-

ине, то меня поражало, что лексика и отчасти риторика обеих сторон базировалась на одних и тех же вещах: и одни, и другие говорили «это наш Сталинград». А сейчас это не так. Девять месяцев войны привели к тому, что разрушается как само постсоветское пространство, так и то символическое советское поле, на котором постсоветское паразитировало. Поэтому разговор о национальном вопросе, как бы ни мечтали марксистские теоретики второй половины XIX – начала XX века, продолжает оставаться принципиальным.

Изначальный «проект СССР» полностью поменял свои содержание и цель в течение 1920-х. Государство под названием Советский Союз из инструмента превращается в цель, под которое национальный вопрос действительно «закладывает бомбу», потому что декларируется одно, а на практике получается совершенно другое.

И.К.: Спасибо, Кирилл. Сергей, какое-то резюме?

С.А.: Если очень кратко, то история Советского Союза в масштабе XX века выглядит типичной для многих больших держав: империи распадаются, из них рано или поздно выделяются национальные государства, бывшая метрополия тоже национализируется, все они переформируются в новую иерархию центров, периферий, полупериферий. В этом смысле оказалось, что по результату история СССР – типичная; здесь не произошло ничего необычного, чего не было в других, по крайней мере европейских, империях.

Специфика советской истории, конечно, тоже имеется. Она интересна тем, что само государство, бывшая метрополия, пыталось регулировать процессы национального строительства, многие из них инициировало само, поддерживало создание наций, направляло и даже навязывало антиколониальную политику. Местные элиты активно участвовали в этом процессе, но при этом боролись за свои интересы внутри советского режима. Терри Мартин назвал это «позитивной дискриминацией». Это создает ощущение необычности, в каком-то смысле альтернативности советского случая.

А.Е.: Я думаю, что постсоветский порядок, который возник после распада Советского Союза, и даже сам этот распад оказались

незавершенными. Каким образом этот распад может быть продолжен, доведен до конца – все это нам еще предстоит увидеть. Здесь действительно возникает вопрос, как возник этот распадающийся проект и какие политические выходы есть в этой ситуации.

Отвечая на вопрос о дихотомии между имперским шовинизмом и радикальным национализмом, мне кажется, что обращение к рефлексии о праве нации на самоопределение, которая была на заре Советского Союза, показывает, что был некоторый универсалистский проект – не имперский, а эмансипаторный. Эта эмансипаторная универсалистская программа в свое время была реакцией и возможным ответом на распад. Более того: то, как этот вопрос был решен в Советском Союзе, все связанные с этим негативные последствия показывают, какой проект тем не менее не является желательным. Весь этот опыт сегодня приобретает особую актуальность, а реакция на структурные проблемы угнетения и эксплуатации, которые в ходе этих дискуссий возникают, очень важны. Например, неспроста Ленин, когда говорит о национальном вопросе, упоминает право на развод – то есть он отсылает еще и к гендерному аспекту. Если мы хотим создать возможность для совместной общей жизни, то нужно найти политическое структурное решение, позволяющее не воспроизводить систему, которая приводит к возникновению негативных резких реакций.

И.К.: Спасибо, Анна. Илья, слово вам.

И.Б.: Право на развод для находящихся вместе людей и желающих эту ситуацию изменить, конечно, ярко противостоит популярному сейчас нарративу исторической судьбы, который в области гендерных отношений емко выражен фразой «Нравится – не нравится, терпи, моя красавица», никакого права на расставание, разумеется, не подразумевающему.

Право на самоопределение вплоть до отделения, которое может быть реализовано в любой момент, на заре Советского Союза было представлено в двух вариантах – по Ленину и по Вильсону, – и значительная часть национальных государств современной Европы создана в соответствии с одним из них. Мы сегодня живем в момент новой деглобализации, разделения мира на лагеря, на национальные блоки, когда подъем национализмов становится реальностью и вопрос о самоопределении, о возможности каждого народа самостоятельно определять свою судьбу, несмотря на попытки так или иначе инкорпорировать его в ту или иную зону влияния, сферу интересов, приобретает значение, наверное, не меньшее, чем он имел сто лет назад.

Ленин в своих текстах о национальном вопросе был, наверное, неправ в том отношении, что национальный вопрос может быть преодолен самой логикой развития капитализма, что он может быть снят в рамках буржуазного государства. Мы видим, что он не снимается, что он представляет из себя непреобразуемый, неисчезающий остаток развития глобального капитализма, который остается с нами и который постоянно может стать решающим фактором кризиса всей этой системы в целом.

И.К.: Коллеги, огромное спасибо за разговор. Понятно, что тема не исчерпана, и, думаю, что к этому вопросу мы еще не раз вернемся на страницах «НЗ» – хотя очень надеюсь, что в менее трагических обстоятельствах.

Подготовка к публикации Татьяны Присталовой